

205), ни в коей степени не соответствует действительности; наоборот, как правило, в книге даются чрезвычайно далекие этимологии речных названий — чаще всего в виде общендоевропейских корней со значением «светлая», «ясная», «облестящая» и т. д. Такой метод этимологизирования едва ли найдет сейчас много сторонников.

Один из последних разделов книги посвящен решению вопроса о том, откуда пришли славяне на их прародину в Поднепровье. Здесь наиболее четко обнаруживается связь концепции К. Мошинского с основными положениями его книги 1926 г. Многие примеры повторяются без изменения; количество заведомо неверных славяно-урало-алтайских этимологий и сопоставлений здесь особенно велико (ср., например, устанавливаемую автором связь между став. *poršy*¹ и тюркским названием барсука и др.); каждый внимательный читатель их обнаружит, и поэтому здесь нет необходимости в их перечислении.

Книга К. Мошинского заканчивается рассуждениями о социальной структуре праславянского общества на основании прежде всего этимологических данных (среди них новая этимология слова *konь*, из **skopny* от **skopiti* «кастрировать») и целым рядом различных дополнений и уточнений к основным разделам книги.

Бесспорно, что новое исследование К. Мошинского представляет собой фундаментальный труд с таким широким кругом проблем, что в известной степени он заслуживает названия праславянской энциклопедии. Однако существующие методологические изъяны и целый ряд ошибок при анализе конкретного материала значительно снижают достоинство книги.

В. Н. Топоров

Chr. S. Stang. Slavonic accentuation.— Oslo, 1957. 192 стр. («Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. I. Hist.-Filos. Klasse», 1957, № 3).

Один из крупнейших современных славистов — профессор университета в Осло Хр. С. Станг, имеющий большие научные заслуги как исследователь древнерусского (древнебелорусского) языка и как выдающийся компаративист, прежде всего в области славяно-балтийских языковых связей, обогатил нашу науку новым важным синтетическим трудом — на этот раз в области славянской акцентологии. Научные интересы Хр. С. Станга ясно определились уже в предшествующих работах — о славянском и балтийском глаголе и о языке одного из двух важнейших снабженных знаками ударений памятников русского языка XVII в.² Новую книгу Станга естественно поэтому отметить как плод долгой работы, увенчавшейся значительными результатами.

Наиболее важные научные достижения книги автор коротко сформулировал в заключении ее (стр. 179) в виде семи положений:

1. Закон де Соссюра не действовал в славянских языках.
2. Новоаккутовая интонация обязана своим появлением не метатонии, а репессии («оттяжке») ударения с полугласного («редуцированного») или с начального гласного с нисходящей интонацией.
3. Новопиркумфлексовая интонация относится не к праславянскому периоду.
4. В праславянском обнаруживаются три интонации: а) акутовая, которая может встречаться на любом слоге и в отношении места ударения характеризуется устойчивостью его во всей парадигме; б) новоаккутовая, которая может встречаться на любом слоге, если другие формы той же парадигмы или этимологической группы имеют ударение на следующем слоге.; в) пиркумфлексовая, встречающаяся в первом слоге слова, когда другие формы парадигмы имеют ударение на последнем слоге.
5. Всеименные и глагольные парадигмы могут выступать как: а) неподвижные с: а) ударением на первом слоге или б) ударением на среднем слоге. Ударение было в таких случаях перетянуто с пиркумфлексированного слога на средний и — у глаголов — аналогически с *-e/-o-*. Новоударенный слог получал новоаккутовую интонацию; б) подвижный тип с ударением в некоторых формах на первом слоге, в других — на последнем, с передвижением его на средний. В глаголах сохраняются некоторые (немногочисленные) следы былой подвижности ударения. В большей части форм ударение аналогически перенесено на конечный слог.
6. Славянские подвижные парадигмы тесно связаны с теми, какие мы находим в балтийских языках. Неподвижный тип с ударением на последнем слоге основы, который в некоторых случаях сросся с окончанием, в литовском языке исчез.

¹ Любопытно напомнить, что оказалась неудачной и известная попытка Е. Д. Поливанова объяснить другое индоевропейское слово для названия «свиньи» с помощью заимствования (из китаянского языка).

² См. Chr. S. Stang, *Das slavische und baltische Verbum*, Oslo, 1942; е г о ж е, *La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. 1647»*, Oslo, 1952.

7. В славянских языках акцентная интонация характеризовала парадигмы с устойчивым ударением. Новоакцентная — парадигмы с рецессивным (оттянутым) ударением в некоторых формах. Циркумфлексивная была характерна для парадигмы с подвижным ударением.

Эти очень интересные выводы, да и вся исключительно содержательная книга Хр.С. Станга требуют подробного и более обширного разбора и обсуждения. С скромными рамками настоящих критических заметок позволю сейчас высказаться только по отдельным основным положениям труда и весьма выборочно — по некоторым частным вопросам. Оставляя за собой право еще раз оценить в целом монографию Станга, отметим пока лишь ряд спорных, с нашей точки зрения, моментов.

Трудно разделить мнение автора, как и мнение Е. Куриловича, о том, что закон Фортунатова — де Соссюра не действовал в славянских языках. Не пересматривая вопроса за отсутствием места, заметим, что, по нашему мнению, до сих пор не устарели работы Т. Лера-Славинского и Н. Ван-Вейка, посвященные этой проблеме¹.

Окончания форм, наиболее смущающих Станга (стр. 19) в случае, если принять, что закон Фортунатова — де Соссюра действовал и на славянской почве (*o'ba, *o'bǝ, *mǝla, *o'ci), действительно, не совпадают по их предполагаемой интонации с соответствующими литовскими формами (в литовском им принадлежал определенно акцентный характер, отсюда позднейшая краткость). Но ведь интонации конечных слогов, носителей соответствующих формальных значений, — материал наименее показательный в сравнительно-историческом отношении: здесь приходится считаться и с явлениями собственно-сандвическими (ср., например, конечное *oŋ : *o), которые могли приводить к вариациям интонационного характера, и с аналогическими явлениями (различными отношениями, например, между однозначными окончаниями разных образцов склонения), реже — с индукцией друг на друга разных позже сближавшихся между собой форм той же парадигмы.

Материал этот, таким образом, на славянской почве хрупкий, и строить на нем утверждения об определенных закономерностях, действительно, рискованно. Но важно, что действие закона Фортунатова — де Соссюра на славянской почве, как нам представляется, с достаточной определенностью выступает отнюдь не только в пределах материала, относящегося к конечным слогам, т. е. не только в пределах тех данных, которые получаются при непосредственном сличении соответственных показаний славянских языков с балтийскими (главным образом литовским) или путем привлечения теоретических соображений о происхождении тех или других конечных гласных.

Соображения, связанные с тем, что уже, по-видимому, в древнейшем славянском («праславянском») языке конечные гласные фонетически сокращались и утрачивали свои более интонационные различия, для решения вопроса, действовал ли закон Фортунатова — де Соссюра на славянской почве, роли не играют. Ведь действие этого закона, осуществлялся ли он в эпоху «балто-славянского единства» или в каждой из обеих ветвей отдельно, во всяком случае надо считать предшествующим действию закона о сокращении конечных гласных. Другое дело, можно ли уверенно утверждать, что закон Фортунатова — де Соссюра должен быть одинаково сформулирован для «прабалтийского» языка и для языка «праславянского». Сопшемся, например, на уже высказанные нами в свое время сомнения в том, что этот закон действовал в положении: срединный краткий гласный (редуцированные требуют при этом особых замечаний; см. ниже), может быть, и долгий циркумфлексивный (что более сомнительно) перед конечным долгим акцентированным².

Как бы, однако, ни обстояло дело в том, что касается движений ударения с предшествующих слогов определенного характера на конечные слоги акцентированного характера, или, что проще и менее спорно, скажем, на гласные, например монофтонгического происхождения, — мы думаем, что нет никаких серьезных оснований отрицать (этого не может сделать и Станг, см. стр. 19) полную выразительность таких отношений. Они говорят в пользу закона Фортунатова — де Соссюра, так как наблюдаются в пределах двух первых слогов трехсложных слов, хотя бы у инфинитивов вроде — *slāviti, *stāviti, *plāviti: *no'ti, *prositi; *pādati, *plākati, *kijdati: *bodāti, *tegāti, *pīsāti: *vidēti, *sijšati: *glēdēti. В отношении почти любой категории выявятся те или другие конкретные осложнения исходных отношений, но сути дела они не меняют.

Не вызывает возражения мнение Станга о происхождении новоакцентной интонации в слогах с отпавшими и выпавшими редуцированными гласными, раньше носившими на себе ударение. Заметим только, что требуют более внимательного освещения факты, относящиеся к случаям, когда ударение с предполагаемых предконечных подударных редуцированных оказывается перенесенным не на предшествующий слог слова, получающий вследствие этого новоакцентную интонацию (коллекция соответствующих

¹ См. T. Lehr [S p l a w i ŋ s k i, Ze studjów nad akcentem sło iańskim, Kraków, 1917; N. van Wijk, Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme, Amsterdam, 1923.

² См. Л. А. Булаховский, Акцентологический закон А. А. Шахматова, в сб.: «А. А. Шахматов. 1864—1920», М. — Л., 1947, стр. 409—410.

случаев в общем хорошо известна), а на конечный его слог, не являющийся по своему происхождению актутовым. Мы имеем в виду случаи вроде: *grěšŭ no (ср. русск. грешъ, грешу и т. д.); грешнѣ; *шнѣ no (ср. русск. умъ, уму и т. д.); умно и под.; замъ ѣ: русск. род. падеж замкѣ и т. д.; розъ ѣ: русск. род. падеж послѣ и т. д. Что же касается предлагаемого Стангом объяснения новоактутовой интонации в ряде других случаев (морфологических категориях), то оно нам представляется сомнительным.

Очень важным приобретением славянской акцентологии могло бы оказаться новое положение, выдвинутое в книге Станга, будто в древнейшем славянском языке произошло передвижение ударения с внутренних циркумфлектирующих гласных на предшествующие, приобретавшие при этом новоактутовую интонацию (стр. 49 и сл.). Аналогию такому движению ударения Станг видит в судьбе новых долгот циркумфлексного характера (точнее было бы сказать «нисходящего характера» — из стяжений) в отдельных славянских языках. Но эта аналогия мало доказательна. Существо ее сводится только к действительно свидетельствуемой отдельными славянскими языками возможности, что образующиеся в них новые нисходящие долготы не остаются на месте, а оттягиваются к началу соответствующих слов; что же касается интонации, то только членные прилагательные дают материал для достаточно надежного заключения о новоактутовом характере слога, на который перетягивается ударение с прежде заударных слогов, ставших циркумфлектированными.

Рассуждая отвлеченно и пользуясь иллюстрациями хотя бы из говоров сербскохорватского языка, действительно, естественно предполагать, что слоги, на которые перетягивается ударение, приобретают восходящий характер; но общей закономерностью это, однако, не является. Соплюсь хотя бы на факты чакавского наречия в словосочинении Подунавье, описанные В. Вакным¹. В указанном наречии, сохранившем древнюю сербскохорватскую акцентацию, конечное ударение перетягивается на предпоследний слог слова, и этот слог приобретает при этом не восходящий, а нисходящий характер.

Трудно разделить мнение Станга (стр. 18) и его предшественников, будто ударение в глаголах типа *ношѣ; носѣш* и т. д. более первоначально в 1-м лице ед. числа, а в остальных формах является оттянутым со слога, предшествующего флексии (-i-), и будто именно этим объясняется новоактутовая интонация гласного звука первого слога. Что интонация теперь заударного *i* (русск. *и*) по происхождению не циркумфлексовая, а с е и ф и ч е с к а я — ясно хотя бы из показаний языков чехословацкой группы и кашубского с рефлексом не сократившегося, а долгого *i*.

Рефлекс с в е р х д о л г о т ы в этих языках, нам кажется, требуют совсем другого объяснения. Мы видим его в предположении очень старого («праславянского») влияния на этот глагольный класс (подкласса) параллельного подкласса с конечным (нафлексивным) ударением. Долгота перед последним должна была фонетически сохраняться в виде тонально восходящей. Несомненно, что, по крайней мере в ряде случаев, новоактутовая интонация подударного слога (как и «новциркумфлексовая» в параллельных случаях) выступает в сопровождении заударной долготы; но очень сомнительно, чтобы эта долгота была по своему происхождению циркумфлексового характера. Наоборот, для таких категорий, как данная, или для страдательных причастий ба **анъ, апа...* скорее можно думать, что появление новоактутовой интонации на гласном начальном слоге было обязательно воздействием заударного слога а к у т о в о г о характера, но характера вторичного, ассоциативного — из старой параллельной окситонной парадигмы.

Сильный аргумент в пользу того, что новоактутовая интонация корневого слога у форм настоящего (будущего) времени изъяснительного наклонения глаголов класса -i- (IV) связана с передвижением у них ударения с приметы класса на гласный корневого слога, выдвинул в свое время Н. Ван-Вейк². Он обратил внимание на то, что в ряде случаев деинвариативные глаголы данного типа очень ясно обнаруживают свою связь с именами охутона, т. е. что, иначе говоря, в качестве исходного ударения приходится для них предполагать ударение именно приметы класса. Беря наиболее прозрачные примеры, имеем, например, отношения: *слагѣ, вин. падеж слагѣ; *slúžŭ (-šŭ), *slúžŭ (-tŭ) и т. д.*³; *суд, род. падеж судѣ и т. д.:* *sŭdŭ (-šŭ), *sŭdŭ (-tŭ) и т. д.; *женѣ, вин. падеж женѣ... *že nŭšŭ (-šŭ), *že nŭ (-tŭ) и т. д.*, и под.⁴.

Отдавая должное аргументу Ван-Вейка, нельзя, однако, думать, что вопрос о происхождении новоактутовой интонации даже в одной этой категории он решает окончательно в духе того мнения, которого придерживается Станг. Укажу коротко на те во-

¹ См. V. V á ž n ŭ, Čakavské nářečí v slovenském Podunají, «Sborník filosofické fakulty Komenského v Bratislavě», ročn. V, číslo 47 (2), 1927.

² N. v a n W i j k, Zur Betonung der Verba mit stammbildendem *i*, «Archiv für slav. Philologie», Bd. XXXVII, 1918, стр. 1 и сл., главным образом стр. 5—6 и 15—16.

³ Обычный знак ударения употреблен здесь в значении нового акута.

⁴ Из серьезных отступлений от ожидаемого самое важное: *грехъ, род. падеж грехѣ и т. д.:* русск. грешимъ, грешитъ и т. д., словенск. gręšŭ, gręšŭ и т. д., болг. грешимъ, грешитъ и т. д., серб. грешимъ, грешитъ и т. д.

просы, которые еще должны быть решены для того, чтобы последнее объяснение можно было более или менее уверенно принять.

Сам Ван-Бейк поставил под сомнение исходный циркумфлексивный характер приметы данных форм — *-i-* у *denominativ'a* (ср. стр. 15 указанной статьи). В случаях, где первоначальное ударение несомненно приходилось на начальный слог акутового характера и где позже фонетически возникла, условно говоря, «новоциркумфлексивная» интонация, эта интонация должна быть объяснена, конечно, иначе. Заударная циркумфлексивная (обычного типа) так на предшествующие (подударные) акуты не действовала.

Принимая положение о том, что сдвинувшееся с середины слога на предшествующий ударение циркумфлексивного характера получало в новом положении новоакутовый характер, нужно, по-видимому, предположить еще, что фонетически такое движение имело место только в отношении корневых слогов циркумфлексивного же характера. Основание думать так дает общее, достаточно надежное, впечатление о происхождении новоакутовых долгот (кроме позиции перед подударными редуцированными гласными из циркумфлексивных — факт, обнаруживающийся в ряде других грамматических категорий).

Если можно указать, как будто вопреки этому, на случаи вроде *xvalá, xvalú: *chváli šb (-ši), *chváli (-tb)* тоже с новоакутовой интонацией корневого слога, несмотря на его *-a-*, т. е. рефлекс долгого монофтонга, для которого надо предположить исходную акутовую интонацию, то это, вероятно, не что иное, как случай аналогического включения отдельных образований на *-iti* (наст. время *изъявит. наклонения* — *x*) в сферу влияния типа: «инфинитив *-iti*: наст. время *изъявит. наклонения* с новоакутовой интонацией».

Опираясь на наши прежние наблюдения¹, мы полагаем, что автор, как, впрочем, и многие другие, со сравнительно-исторической точки зрения неверно оценивает рефлексы заударных долгот, наблюдающиеся, например, в соответствиях русским словам *zámc, ýstreb, mýsac* и под. Польск. *zajac, miesiac, pajac* и подобные долготные отражения заударных слогов в других славянских языках (см. стр. 45 книги) никак нельзя ставить на одну доску с заударными долготами или их рефлексам по своему происхождению определенно циркумфлексивного характера (русск. *глубь*, серб. *jàrēb* и под.). Для *zámc, mýsac* и некоторых других подобных слов (с заударными носовыми гласными) необходимо принять первоначальный акутовый (восходящий) характер заударной долготы (о чем уже в свое время догадывался Ф. Лоренц), и только при этой догадке факты, думаем, становятся на свое настоящее место.

Что касается **vitǎ*, тут не все ясно². Особый вопрос вызывает по отношению к словенскому языку слово **gávorǎ* с необычной рефлексацией в первом слоге — *gávrǎn*³. Из догадок об этом отклонении (новоциркумфлексивном) может фигурировать предположение о междометном происхождении начального **ga-* (ср. и *kávrǎn* при *kav-rǎn*, т. е. *kaorǎn* — в словаре А. И. Мурко) или о гаплогогическом **gavovǎrǎ* (ср., например, укр. *gáva* «ворона»).

Проф. Хр. С. Станг не находит доказательств того, что нисходящие (циркумфлексивные) долготы влияли в словенском языке на предшествующие подударные акутированные слоги иначе, чем долгие восходящие (стр. 28). Правильную оценку затруднила, надо полагать, упомянутая ошибка в понимании слов типа **mžesec, *zajec* и под., где интонация заударных слогов не циркумфлексивная. Далее, не приняты во внимание например, такие достаточно надежные словенские свидетельства, как восходящая, а не «новоциркумфлексивная» интонация первого слога в слове *pámet*: серб. *pámēt*; в *kládivo* «молот, молоток» (заударная циркумфлексивная интонация суффикса *-iv-* с полной определенностью выступает в сербском: *jǎdivo, nǎjivo* и под.); в слове *práprat* (*práprot*), жен. род., «шапоротник»: серб. *pránpǎm*, жен. род. [в литовском, впрочем, показания говоров расходятся: *papártis* — в Дусятах (К. К. Буга), *pápartis* (К. Явнис). Другие справки см. у Р. Траутмана⁴].

Если подобных примеров мало, то для этого есть специальные основания: образования, параллельные **pámēt*, в словенском языке теперь, вообще говоря, в чистом виде не представлены (нет, например, потомка такого слова, которое в этом отношении было бы очень показательным, как **pážit*); для настоящего-будущего времени изъяв. наклонения сомнительна циркумфлексивность заударного *-i-*; суффиксы с цир-

¹ См.: Л. А. Булаховский, Об интонационных суффиксальных дублетах в праславянском языке, ИОРЯС, т. XXXI, 1926, стр. 328 и сл.; Л. А. Булаховский, Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 1, Киев, 1953, стр. 18—19.

² Одна частности: Станг неверно приводит чеш. *vitž*. Это опечатка; следует: *vitž*.

³ Р. Брандт («Начертание славянской акцентологии», СПб., 1880, стр. 267), впрочем, приводит из неизвестного нам источника ожидаемое *gávrǎn*.

⁴ См. R. Trautman, Baltisch-slavisches Wörterbuch, Göttingen, 1923, стр. 206: литов. *papártis*, вост.-литов. *papartys*, латыш. *paparde*.

кумфлексированными гласными, кроме **iv*-о, вряд ли вообще существовали в древнейшем славянском языке, и под.

Но не только рефлексы былых исконных заударных долгот нисходящего (пиркумфлексного) характера, а и рефлексы простых былых заударных долгот восходящего (акунтного) характера не вызывали, думаем, фонетически в славянском языке перехода рефлексов подударных долгот из восходящих в нисходящие. Изменение подударных восходящих долгот в неподвижные нисходящие вызывалось только вторичными заударными восходящими долготами, приобретенными такой характер интонации а с о и а т и в и о — под влиянием нормальных типов склонения и спряжения с бесспорной долготой подударного гласного в соответствующих формах. Полагаем, таким образом, что в существенном ближе всего к истине был уже М. Валивец¹. Эти заударные долготы восходящего характера он представлял себе, — и, думаем, верно, — как продукты влияния родственными образованиями, в которых соответствующие гласные находились в положении перед конечным ударением.

Другое дело, был ли прав Валивец, применивший свое объяснение и к таким категориям, где предполагавшегося им условия на самом деле не было и где поэтому ему приходилось прибегать ко всякого рода натяжкам (см., например, такие категории, как формы глаголов настоящего-будущего времени: *bǫdeš, bǫde* и т. д.; *bǫjem, bǫješ* и т. д.; *stǫnem, stǫneš* и т. д.). Для них искали — и следовательно искали — другие объяснения. Некоторые из высказывавшихся догадок более или менее приемлемы. Например, предположение А. Брезника о том, что нисходящая интонация в настоящем-будущем времени изъяв. наклонения таких глаголов — продукт влияния параллельных форм с несокращавшимися заударными долготами².

Хр. С. Станг справедливо сомневается в том, что новоциркумфлексовую интонацию (т. е. неподвижную нисходящую долготу, выступающую в славянском языке в таком виде на былых актированных долготах), нужно для всех случаев приписывать уже древнейшему славянскому («праславянскому») языку. Это, действительно, особенно сомнительно в отношении рефлексов гласных перед выпавшими редуцированными, процесс выпадения которых совершался уже на глазах истории и в славянском языке, как и в других, мог привести к индивидуальным акцентным результатам.

Но думать, как это делает Станг, что вообще все случаи, на основании которых заключают о «новоциркумфлексовой» интонации, являются фактами относительно поздними, нам кажется, не следует. Полагаем, как и другие (например, Т. Лер-Сплавинский, Ф. Рамовш), что нельзя не считаться с поразительными совпадениями в этом отношении между такими далекими друг от друга ветвями, как словенский и кашубский языки (в его славянском наречии). Напомним почти удивительные особенности интонаций, resp. ударений, в формах ед. числа жен. рода, своеобразных в деталях и, по-видимому, исключаящих для себя какое-либо другое объяснение, кроме предположения, что они относятся уже к очень глубокой древности (дословенской и докашубской).

Трудно согласиться с очень, впрочем, осторожно и неуверенно высказанными Стангом замечаниями (стр. 41) относительно того, что сохранение долгот перед конечным ударением не является особенностью «праславянской» древности. Те немногочисленные категории, где в качестве рефлексов былых предударных долгот отдельные языки в таком положении имеют краткости, получают более или менее вероятные объяснения на почве самых этих языков, вроде того, например, что **ina*: диалектно подверглось влиянию параллельного **ina* с фонетическим сокращением подударного гласного, что чеш. *žítiva* восходит к старинному варианту ударения **žítiva*, вроде известных отношений русск. *кранива*: укр. *кранивá* (ср. и чешский вариант среднего рода *žítivo*), и под. Количество совершенно определенных свидетельств славянских языков в пользу искомого сохранения долготы перед конечным ударением таково (это ясно даже из собственных справок Станга), что его неуверенность в данном случае, по нашему мнению, никак не является оправданной.

Таковы отдельные замечания по поводу «Славянской акцентуации» — капитального исследования Хр. С. Станга, насыщенного большим фактическим материалом и не только подводившего итоги в области славянской акцентологии за последние десятилетия, но и выдвигающего ряд новых интересных положений. Содержательность и научная острота книги требуют того, чтобы мы высказались еще об очень многом. Оставляем за собой право и удовольствие сделать это при случае в другом месте.

Л. А. Булаковский

¹ M. Valjavec, Glavne točke o' naglasu (novo)slovenskom jeziku, «Rad JAZU», knj. CXXXII, Zagreb, 1897, стр. 116—213.

² Ant. Breznik, Die Betonungstypen des slavischen Verbums, «Archiv für slav. Philologie», Bd. XXXII, Hf. 3—4, 1911.